

Весть о происшествии на осенней охоте, казалось бы, уже улеглась, но сцена спасения красавицы героем упала в сердца людей, словно камень в пруд, пустив по воде бесконечные круги.

В глубине императорского дворца, во дворце Линци, вились тонкие струйки благовоний. Аромат сандала, исходивший из позолоченной курильницы в форме священной горы Бошань, мягко струился, обвивая резные балки и расписные карнизы.

Благородная супруга Чэнь полулежала на обитой мягким бархатом кушетке. Её длинные, слегка приподнятые к вискам глаза, подведенные золотистой пудрой, скрывали острый блеск. Облаченная в парчовое платье с изысканным узором, она выглядела еще величественнее и прекраснее, чем обычно. Кончиками пальцев она неспешно перебирала засахаренный финик, но долго не подносила его к губам, лишь позволяя сладкому аромату дразнить обоняние.

Она слушала тихий доклад доверенной служанки о подробностях охоты и о тех пересудах, что уже начали ползти по дворцу. От напряжения пальцы супруги Чэнь невольно сжали финик, оставив на нем глубокий след.

— Значит, Лань Циньiao спас дочь Ли Чунчжэна, — прошептала она, и голос её прозвучал в пустоте дворцовых залов как-то отстраненно.

Приторный запах финика вдруг стал казаться удушливым. Она положила лакомство обратно на нефритовую тарелку и машинально провела рукой по гладкому сандаловому краю кушетки. На первый взгляд — красивая романтическая история, но за ней скрывались вопросы власти и расположения императора. Она не могла не задуматься об этом всерьез.

— Есть ли какие-то новости от Клана Се? — спросила Благородная супруга Чэнь.

— Отвечаю госпоже, — почтительно отозвалась служанка Хунсю. — Старшая барышня Се в последние дни приказала своим людям скупать повсюду древние свитки, редкие предметы искусства и диковинки из дальних стран.

— Помолвка под угрозой, а у неё еще есть охота заниматься подобными пустяками? — Благородная супруга Чэнь нахмурилась. — Завтра пусть явится ко мне во дворец.

— Госпожа, барышня Се сегодня вместе с сестрой уехала на горячие источники в Хуацзингун, что на горе Лишань. Боюсь, весть о вызове не дойдет до них до завтрашнего дня, — видя гнев госпожи, Хунсю добавила: — Госпожа, эти барышни из знатных семей слишком высокомерны. По моему скромному мнению, барышня Ли Цюн куда лучше. Дочь простого военачальника — она наверняка будет предана вам всей душой.

— Мне нужно, чтобы ты напоминала, что я сама дочь военачальника низкого происхождения? — Благородная супруга Чэнь бросила на Хунсю холодный взгляд.

Хунсю в испуге упала на колени:

— Рабыня сказала лишнее, прошу госпожу наказать меня!

— Довольно. Впрочем, ты напомнила мне: я столько лет пользуюсь неизменной милостью императора именно потому, что вышла из простых воинов, — тон Благородной супруги Чэнь смягчился. — Однако Ли Чунчжэн охраняет покой дворца и близок к императору. Если Лань Циньяо сейчас поспешит породниться с Кланом Ли, в чьих руках сосредоточена военная мощь, обрадуется ли этому император? Посчитает ли он, что сын умеет привлекать людей на свою сторону, или заподозрит его в поспешном создании клики и жажде престола?

— Госпожа, вчера император принимал нескольких принцев и лишь нашего принца похвалил за то, что его манеры и осанка в юности были точь-в-точь как у самого государя. Такой милости нет даже у Восточного дворца, — опустив голову, ответила Хунсю.

— Встань, — брови Благородной супруги Чэнь немного разгладились. — И все же наследный принц остается наследным принцем. Он не свергнут, и поддержка знатных кланов, стоящих за Восточным дворцом, весьма велика. Это дело требует тщательного обдумывания.

Сладкий аромат финика теперь казался ей горьким.

— О, доченька моя, ты просто чудо! — Ли Чунчжэн, выслушав рассказ Ли Цюн о событиях на охоте, расплылся в улыбке, обнажив пожелтевшие от крепкого чая зубы. — Ван Чэн — самый популярный принц при дворе, о его успехах говорят все. Его милость у императора почти затмевает наследника. Твое падение обернулось для нашего клана Ли великим богатством!

— Отец, еще ничего не решено. Говорят, принц также весьма благосклонен к Го Цзюньюй, — в голосе Ли Цюн прозвучало беспокойство.

— Дорогая моя, об этом не беспокойся. Хотя я в этой жизни и не достиг особых высот ни в науках, ни в военном деле, но мой стаж службы куда больше, чем у того молокососа из семьи Го. В Шанцзине я стою твердо. Найти промахи в делах семьи Го мне не составит труда. Ты просто удерживай внимание принца, а остальное предоставь отцу.

— Тогда благодарю вас, отец, — Ли Цюн обняла Ли Чунчжэна за руку, ластясь к нему. — Можно ли мне в этом месяце попросить у вас денег на новые украшения?

— Хорошо, хорошо, хорошо! — трижды повторил Ли Чунчжэн, сияя от удовлетворения. Он посмотрел на гранатовое дерево во дворе, которое посадил своими руками, когда только прибыл в Шанцзин. Много семян — много счастья, все идет как нельзя лучше.

Если кто и был крайне недоволен, чувствуя, как кость застряла в горле, так это семья Го Цзюньюй.

В тот день на охоте Го Цзюньюй всё понял сразу. Возможность породниться с императорской семьей и укрепить свое влияние, которая была у него в руках, ускользнула к Клану Ли. От ярости и досады он места себе не находил.

Он понимал: если Клан Ли через эту связь сблизится с Ван Чэном, его собственный статус в лагере принца рухнет. Чувство опасности заставило его действовать немедленно.

В ту ночь в спальне дома Го до третьей стражи горели свечи. Го Цзюньюй вызвал нескольких верных людей и произнес ледяным тоном:

— Ищите. Ли Чунчжэн и его дочь — переройте землю, но найдите на них какой-нибудь компромат. Прошлые, тайные грехи, дурные поступки — даже если это будут лишь беспочвенные слухи, принесите мне их немедленно.

В его глазах мелькнула жестокость.

В это время Пэй Чжаохэн, наблюдавший за происходящим со стороны, уже полностью разгадал кажущийся рискованным, но на деле филигранный план Се Линъи.

Она рискнула всем, сыграла на грани, но при этом точно надавила на самые уязвимые места и низменные желания каждого участника. Один камень вызвал бурю, окончательно взбаламутив воду, заставив игроков все глубже погружаться в эту одурманивающую игру за власть.

— Цинсунь, помоги нашей невероятно умной лисичке раздуть этот огонь еще сильнее.

Раз уж она расставила такие хитроумные сети, как он мог разочаровать красавицу?

Даже находясь на горе Лишань, сестры из Клана Се не упускали из виду столичную суету.

Се Линъи лениво сдула с ладони лепесток розы:

— Похоже, отец все понял, раз сам отправил нас на горячие источники.

— Вчера пришло письмо от отца, он просит нас задержаться еще на пару дней, — Се Линдэ закрыла глаза, отдыхая. — Видимо, он окончательно все осознал.

— Знать можно приблизить, но с императорской семьей лучше не родниться. Не верю я, что

отец только сейчас это понял, — Се Линъи рассмеялась. — Прожив столько лет в Шанцзине старой лисой, он, должно быть, только и ждал этого падения Ли Цюнь. Как думаешь, не начал ли он уже жечь благовония, благодаря ту лошадь, что сбросила Ван Чэна?

— Лучше бы он прислал нам больше денег на расходы, — Се Линдэ взяла лепесток и приложила его к носу сестры. — Он испугался, что прогневит сильных мира сего, вот и выставил меня вперед. Если бы я действительно вышла за Ван Чэна, в случае беды он первым бы от меня открестился.

— Сестра, ты смотришь в корень, — Се Линъи приложила лепестки к глазам и улеглась поудобнее. — Знаешь, прошло всего несколько дней, а эта романтическая история о спасении красавицы превратилась в пятно грязи на репутации обоих героев, которое уже ничем не отмыть.

— Неужели люди говорят, что принц воспользовался положением барышни Ли, но не спешит давать ей статус, что недостойно благородного мужа и лишает его императорского достоинства? — догадалась Се Линдэ.

— Сестра, ты проницательна. Теперь, зная характер принца, ему ничего не останется, как жениться на барышне Ли.

Скрытые течения в столице не могли укрыться от зоркого взора Су Вэньюаня. В кабинете канцелярии, выслушав доклад своего ученика, он непроизвольно поставил кляксу на рисовой бумаге.

На следующий день он нашел момент, когда Ван Чэн был один в своем кабинете, и лично нанес визит.

— Ваше Высочество, — Су Вэньюань отослал слуг и, глубоко поклонившись, произнес с искренностью: — Сегодня я должен сказать вам несколько слов, которые не могу держать в себе.

Лань Цинъюэ стоял у окна. Услышав это, он обернулся. В своем серебристом наряде он выглядел безупречно, а в его глазах читалась уверенность в себе, ставшая еще сильнее, чем прежде. Он поднял руку:

— Учитель, прошу, говорите.

— События на охоте стали предметом восхищения, все славят вашу доблесть и доброту. Это ваша заслуга, — начал Су Вэньюань, но тут же сменил тон: — Однако я осмелюсь сказать прямо. Военная мощь и контроль над дворцовой стражей — дело великой важности, которое всегда находится под личным надзором императора. Он больше всего боится, когда в это

вмешиваются другие. Прошу вас, не поддавайтесь слухам. Сейчас важно сохранять спокойствие и не привлекать лишнего внимания — в этом залог успеха.

Он сделал паузу, больше не скрывая своего беспокойства:

— Наследный принц все еще на престоле, а государь в расцвете сил. Больше всего он опасается союза принцев с военачальниками, особенно с командирами стражи. Мы уже получили поддержку генерала Го, и если вы сейчас поспешите породниться с Кланом Ли, это будет выглядеть как чрезмерное стремление к власти, что не к добру.

— Учитель, вы слишком тревожитесь, — тон Лань Циньяо был ровным, с едва заметным оттенком отчужденности и нетерпения. — Генерал Ли предан стране, его дочь воспитана и добродетельна, это достойная семья. Мой отец мудр и проницателен, разве станет он из-за случайной помощи и проявления человечности подозревать верного слугу? Вопрос о браке еще не решен, но вам не стоит так волноваться. Я знаю, что делаю.

Су Вэньюань, десятилетиями прослуживший при дворе, сразу уловил колкость в словах принца. Он больше не стал спорить, лишь опустил глаза, скрывая разочарование и глубокую тревогу, и почтительно ответил:

— Понял. Простите старику его дерзость.

Су Вэньюань попятился и медленно удалился. Его фигура в лучах осеннего солнца казалась на удивление сгорбленной и одинокой.

Ван Чэн смотрел ему вслед с невозмутимым лицом, но в глубине его глаз мелькнуло раздражение. Он прекрасно знал о слухах, о которых говорил учитель. Они, словно черви, вгрызались в его сознание, лишая покоя.

Эта внезапная грязная молва, как липкая паутина, опутывала его, грозясь разрушить его блестящий план: жениться на Ли Цюн и убить двух зайцев сразу — получить красавицу и мощного союзника.

Нет.

Лань Циньяо не позволит добыче уйти из рук.

— Сменить одежду, приготовить паланкин, — его голос был тихим, но властным. — Я немедленно отправляюсь во дворец к императору.

<http://bllate.org/book/19397/1899345>